

Миллиардам читателей сказки Картленд давали
утешение на протяжении трех четвертей века.
Газета «Коммерсант»

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Моя
прекрасная
леди

Святая
и грешник

Барбара Картленд
Святая и грешник

«ЭКСМО»

1978

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Картленд Б.

Святая и грешник / Б. Картленд — «Эксмо», 1978

Юная Пандора после гибели родителей попадает в дом своего дяди, епископа. Однако дядя и его жена не рады такому событию. Они хотят как можно скорее избавиться от сиротки и решают выдать ее замуж за своего друга, капеллана. Страх за собственную судьбу не оставляет Пандоре выбора, и она вынуждена обратиться за помощью к дальнему родственнику – графу Чартвудскому, известному на всю округу развратнику...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Картленд Б., 1978
© Эксмо, 1978

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Барбара Картленд

Святая и грешник

© Павлова М., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

От автора

Джон Мильтон, занимающий второе место среди английских поэтов после Шекспира, в 1667 году опубликовал эпическую поэму «Потерянный Рай». Первое издание, кстати, вышло в количестве всего десяти экземпляров. Автор с блестящей изобразительной силой представил там борьбу между Добром и Злом, Небом и Адом, Светом и Тьмой, Порядком и Хаосом. Следующее произведение Мильтона, «Возвращенный Рай», вышедшее в 1671 году, явилось логическим продолжением первого, так как его тема – возвращение Христом, словно вторым Адамом, того, что было утрачено Адамом Первым. Мильтон оказался способен одержать верх над собственным отчаянием: его последующие поэмы – воплощение просветленной веры в Бога и в возможность возрождения человеческой Души.

В 1820 году г-жа Вестрис выступила в опереточном варианте моцартовского «Дон Жуана» в театре Друри-Лэйн в роли Повесы, для чего облачилась в мужской костюм. Она чрезвычайно шокировала такой дерзостью многих, однако театр стали осаждать толпы любопытных, желавших узреть ее в этой роли. То же самое повторилось, когда она с фантастическим успехом выступила в «Опере Нищих», сыграв роль капитана Макхита.

Глава 1

1819

Пандора пришивала верх к диванной подушке, предварительно выстирав его и прогладив и при этом думая, что все равно более отвратительные цвет и узор трудно подобрать: все какого-то «печеночного», коричневого и тошнотворно-зеленого колеров. Отец, кстати, нередко повторял, что людей можно ассоциировать с цветом, который они выбирают, и он был прав: цвета подушки очень подходят для тети Софии.

Пандора тихонько вздохнула: она чувствовала себя несчастной оттого, что теперь приходится жить в епископском дворце в Линдчестере. Огромное, угрюмое, холодное и, по мнению Пандоры, отталкивающее на вид здание и ее жизнь сделало такой же безрадостной и мрачной.

Как же она была счастлива, когда жила с родителями в маленьком церковном приходе в Чарте: прекрасный розарий и конюшня, где отец держал своих любимых лошадей. Мама, посмеиваясь, говорила даже, что лошади и есть самые важные члены их семейства.

Отец никогда не стремился к духовному поприщу, но, будучи третьим, и младшим сыном в аристократическом семействе, должен был, по традиции, посвятить жизнь служению церкви: другого выбора для него не существовало. Однако папа был достаточно умен и находчив: он смог все устроить так, чтобы служебные обязанности не отнимали слишком много времени, отвлекая его от любимых занятий – верховой езды и охоты.

«Наш охотник-пастор», – называли его прихожане, забывая, что по воскресеньям он читал душеспасительные проповеди. Отца воспринимали прежде всего как добродушного весельчака, который поддерживал дружеские отношения со множеством охотников да и вообще со всеми окрестными жителями.

«В его обществе всегда было так легко и весело», – подумала Пандора, стараясь не расплакаться, но слезы уже застилали глаза. Как отчаянно и горестно рыдала она, узнав об ужасающей трагедии, которая сразу лишила ее и отца, и матери. Ей тогда казалось, что она выплакала все слезы, но вот, прожив больше года в доме дяди-епископа, Пандора поняла, что слезы никуда не делись: действительность удручала ее, и с каждым днем девушка чувствовала себя все более одинокой и несчастной.

Вот и сейчас, в эту самую минуту, ей по-прежнему невыносимо было думать о трагическом событии, отнявшем родителей.

У отца не было средств, чтобы приглашать для объездки лошадей опытных жокеев, поэтому он сам занимался этим трудным и опасным делом. В тот роковой день отец выбрал для развлекательной поездки двух, еще не очень привычных к узде жеребцов и отправился вместе с матерью Пандоры на охоту в отдаленную и малознакомую часть графства. Чета Стрэттон уже возвращалась домой, когда внезапно на дорогу выскочил олень и помчался перед лошадьми. В испуге они припустились бешеным галопом и свернули к реке.

Пандоре подробно описали все, что потом произошло: старая двуколка с размаху ударилась о мост, мать и отца выбросило на берег, и они скатились в реку. Отец при падении сломал шею, а мать, потеряв сознание, упала в воду лицом вниз и захлебнулась.

Пандора часто жалела, что не погибла вместе с родителями. После трагедии дядя-епископ с явной неохотой и напускным великодушием приютил Пандору у себя во дворце. Однако дядя и тетя так тяготились ее присутствием, что все поступки племянницы воспринимали с явным неодобрением. Угодить тете Софии было невозможно, как бы Пандора ни

старалась, и вскоре она поняла, в чем тут причина: тетю больше всего раздражали красота и молодость племянницы. Пандора была очень похожа на погибшую мать: такое же милое овальное личико, прекрасные глаза цвета темных фиалок, а стройная фигурка разительно контрастировала с расплывшимися телесами тети. Но, главное, лицо Пандоры было безупречно свежим и гладким, а тетино уже избородили глубокие морщины.

Поняв, в чем коренится истинная причина тетушкиной неприязни и почему у нее столь неистощимый запас придинок и требований, Пандора, тем не менее, всегда беспрекословно, с готовностью выполняла все повеления. Вот и сейчас она знала, что ее вышивка обязательно вызовет только нарекания: зачем швы так «затянуты» (или, наоборот, слишком «свободны») и почему верх скверно проглажен, необходимо все проутюжить опять. Пандора с облегчением вздохнула, подумав, что дядя и тетя вот-вот отбудут в Лондон на праздник, который состоится в Ламбетском епископском дворце. Это торжественное ежегодное событие тетя всегда предвкушала с большим волнением. Еще недели за три до него Пандоре пришлось переделывать парадное тетино одеяние, обшивать его новыми кружевами, а также обновить ленты капора и украсить множеством побрякушек зонтик. Хотя, что бы тетя София ни надела, она все равно выглядела непривлекательно. Вот почему, еще завтракая, тетя София с явной враждебностью поглядывала на тоненькую фигурку Пандоры, изящество которой не могло скрыть и очень простое, пуритански-скромное платье.

Завтрак проходил в молчании: епископ не любил разговоров за едой, особенно ранним утром, когда читал «Таймс». Слуга всегда предусмотрительно прикреплял газету к серебряной, до блеска начищенной подставке. Два лакея разносили на больших серебряных блюдах обильную снедь, которой Огастес Стрэттон и его супруга старательно воздавали должное, подкрепляя силы перед поездкой.

Пандора ела очень мало и с готовностью приняла из рук тети три мелко исписанные страницы.

– Вот дела, Пандора, которые ты должна сделать во время моего отсутствия, – резко и повелительно объявила тетя. – Не следует лениться, пока мы с дядей будем в Лондоне. Я желаю, чтобы к моему возвращению, в пятницу, все было бы исполнено.

– Постараюсь изо всех сил, тетя София.

– Позволь надеяться, что твое «изо всех сил» означает большую старательность, чем ты проявляешь обычно, – язвительно отрезала тетя.

Пандора взяла список, присела в поклоне и вышла. Затворив за собой дверь, она стремительно бросилась по коридору в маленькую гостиную. Однако вместо того, чтобы немедленно погрузиться в чтение списка неотложных дел, она подошла к окну и посмотрела на лучезарное солнце. Ее охватило радостное волнение: она свободна! Она будет свободна целых три дня от упреков, ворчания, суждений о том, какой образ жизни вели родители Пандоры, и критических замечаний относительно поведения и внешности племянницы.

«Но чем же мне заняться? Как провести свободное время?» – мысленно спросила она себя, хотя уже знала ответ: как только дядя и тетя уедут в Лондон, она сразу же отправится в Чарт – поговорить, пообщаться с деревенскими жителями, которые знали и любили ее родителей. Нет, она не заедет в свой бывший дом в пасторате: ей невыносимо грустно видеть чужих людей, живущих в доме, который она по-прежнему считала своим. Однако в Чарте есть и другие дома, и люди, которые будут рады с ней повидаться по той именно причине, что она – дочь своего отца.

В этот самый момент дверь соседней комнаты – кабинета дяди – отворилась, и кто-то вошел, а затем Пандора услышала голос тети Софии:

– Но прежде чем мы уедем, Огастес, ты должен приказать Пандоре не ездить в Чарт!

– А я как раз сейчас подумал о ней. Я не успел тебе сказать, но вчера, уезжая к своему отцу, Проспер Уизеридж просил меня передать Пандоре свой «особый», почтительный привет.

– Ты хочешь сказать, что у него появилось намерение просить ее руки? – недоверчиво переспросила миссис Стрэттон, словно услышала самую невероятную новость.

– Да, он сказал, что питает к Пандоре чрезвычайное расположение, но решил вначале сообщить об этом мне, чтобы заручиться согласием на брак, прежде чем известить о своих чувствах саму Пандору.

– Ну что же тут можно сказать! – саркастически заметила миссис Стрэттон. – Разве то, что ему бы следовало быть поумнее! Твоя племянница должна быть благодарна судьбе, раз такой порядочный человек желает вступить с ней в брак!

– Но Пандора еще очень молода, – задумчиво возразил епископ, – и надо бы ей еще подождать, прежде чем возлагать на себя бремя супружеских обязательств.

– Ей никогда не сделают лучшего предложения, – убежденно заявила миссис Стрэттон. – Конечно, у лорда Уитшоу, например, есть два неженатых старших сына, но ведь и Проспер Уизеридж носит сан «Достопочтенного», что имеет в данном случае немалое значение!

– Ну, я не хотел бы рассматривать этот вопрос только с точки зрения престижа!

– Почему же? – поспешно переспросила миссис Стрэттон и, помолчав, добавила: – Ну как можно тут колебаться?

– Я сказал, что обдумаю его просьбу и дам знать о своем решении, когда мы вернемся из Лондона.

– Ты должен сказать «да», Огастес, самое положительное и несомненное «да»! А для меня будет огромным облегчением сбыть Пандору с наших рук! Надеюсь только, что Проспер Уизеридж окажется достаточно решительным человеком, чтобы сломить ее врожденное упрямство и склонность к опрометчивым поступкам, которую она унаследовала от родственников по материнской линии. Нет-нет, Огастес, именно по материнской, а не по твоей!

Опять наступило молчание, а потом миссис Стрэттон вдруг встрепенулась:

– Да, вот еще что: я вспомнила, почему ты должен запретить Пандоре посещать Чарт, и особенно Чартхолл! Кажется, туда вернулся тот самый человек!

– Граф?

– Ну а кто же еще? Мне говорили, что Его Лордство явился в свое имение уже два дня назад, а тебе известно не меньше, чем мне, что это может означать!

– Да уж, действительно, мне это известно, – неохотно признал епископ.

– Он позорит и свою семью, и все общество! Да уже весь Линдчестер шокирован тем, что происходит в Чартхолле, и какие люди там бывают, и чем они занимаются! – В ее голосе прозвучали гнев и отвращение. – Мне об этом рассказала леди Хендерсон, – и миссис Стрэттон заговорила тише: – Например, о женщинах, которых граф приглашает, это проститутки и актрисы, и ни один порядочный мужчина не пожелает, чтобы его видели в обществе подобных созданий.

– Ну, леди Хендерсон, – возразил епископ, – не следовало бы пачкать свой язык даже упоминанием об этих отбросах общества и обитателях лондонской общественной клоаки! Надеюсь, Софи, ты не станешь поощрять тех, кто распространяет рассказы о том, что делается в Чартхолле! Ты же знаешь, что такие слухи часто плод преувеличения и что они дурно влияют на тех, кто им внимает!

– Трудно преувеличить то, что говорят о графе! Ты просто обязан запретить Пандоре даже приближаться к его усадьбе.

– Я поговорю с ней, – обещал епископ, – и с Проспером Уизериджем тоже, когда он вернется из поездки, а это будет уже сегодня вечером. Не сомневаюсь, что он сумеет проследить за поведением Пандоры.

– Но чем меньше ему будет известно об ее родственниках, тем лучше! Ведь он может и передумать насчет брака с твоей племянницей, – пренебрежительно отозвалась миссис Стрэттон.

Весь этот разговор Пандора выслушала не шелохнувшись, затаив дыхание. Потом раз-дались тяжелые шаги дяди: наверное, он собирал деловые бумаги, после чего дверь кабинета отворилась и захлопнулась. У Пандоры появилось ощущение, что она вот-вот задохнется.

Проспер Уизеридж! Да можно ли вообще, хоть одно мгновение, желать подобного брака? Всего три месяца он служит при дяде, но то, какими глазами смотрит на нее, заставляет подумать: а смеет ли так смотреть на женщину тот, кто посвятил себя служению Богу?!

Пандора не сомневалась: тетя сумеет настоять на своем, и дядя даст согласие на это замужество! Ведь ей всего восемнадцать лет, она подопечная епископа, и по закону он распоряжается ее судьбой. Ее брак неминуем. Брак с отвратительным Проспером Уизериджем, о котором даже и думать противно!

– Но я не хочу выходить за него! – громко сказала Пандора. – Я просто не могу! Я ненавижу его! Есть в нем что-то противное, тошнотворное, и никогда прежде ни один мужчина не вызывал у меня такого отвращения!

– Я ненавижу этого Проспера Уизериджа, – повторила Пандора и опять вздрогнула, вспомнив его взгляд и противное, липкое прикосновение руки. Епископский дворец казался ей настоящей тюрьмой, но если она покинет его и выйдет замуж за Проспера Уизериджа, то лишь поменяет большую тюрьму на меньшую, еще более скверную, из которой никогда-никогда не вырваться!

«Я этого не вынесу!» – прошептала Пандора и услышала, как ее зовет тетя София.

Пандора выбежала в коридор. Дядя и тетя были готовы к отъезду, слуги грузили в карету багаж.

– Где ты пропадаешь, несносная девчонка? – набросилась на нее миссис Стрэттон. – Никогда тебя не дозовешься, когда ты нужна. Ведь прекрасно знаешь, что в половине одиннадцатого мы должны выехать!

– Простите, тетя София, я совсем об этом позабыла и не представляла, сколько сейчас времени, – кротко отвечала Пандора.

– Забыла! Она забыла! Ты постоянно обо всем забываешь, голова твоя дырявая! Сделай одолжение, не забывай, что во время нашего отсутствия ты должна вести себя очень осмотрительно и осторожно. Сегодня во дворец приедет миссис Норрис, она будет с тобой ночевать, но приедет она только к шести вечера, так что до этого времени ты будешь одна.

– Да, тетя София.

– Твой дядя тоже хочет кое-что сказать на прощание, – и миссис Стрэттон устремила на супруга многозначительный взгляд.

– Да, разумеется, – нерешительно произнес епископ. – Тебе, Пандора, не следует даже приближаться во время верховых прогулок к Чартхоллу, пока мы не вернемся из Лондона. Ты поняла?

– Поняла, дядя Огастес.

– И, пожалуйста, не забывай, о чем тебе сейчас сказал дядя! – жестко подтвердила миссис Стрэттон, – а если ты ослушаешься, то приготовься к суровому наказанию, когда мы вернемся.

– Да, тетя София.

И миссис Стрэттон торжественно проследовала к двери и стала спускаться по лестнице к подъезду, где уже стояла дорожная карета с внушительными гербами на каждой дверце, а также кучером и лакеем, облаченными в ливреи, соответствующие высокому епископскому сану дяди. Сопровождать экипаж должны были четыре всадника.

Прощаясь с Пандорой, епископ тихо сказал:

– Постарайся, дитя мое, не сердить тетю и вести себя осмотрительно во время нашего отсутствия.

– Я постараюсь, дядя Огастес.

На мгновение взгляд епископа остановился на лице племянницы и выразил почти одобрение: приятно было видеть, как солнце золотит ее светлые волосы, как блестят фиалковые глаза, но послышался властный голос:

– Огастес, нам нужно спешить!

– Да, конечно, дорогая!

Епископ поднялся в экипаж, лакей захлопнул дверцу, и они царственно тронулись в путь. Пандора посмотрела, как дядя и тетя выезжают со двора на дорогу, ведущую к перекрестку, а потом снова поднялась во дворец.

Уехали! Они уехали! Она свободна! Однако радость освобождения была несколько омрачена прощанием с дядей, и, поддавшись безотчетному стремлению, Пандора прошла в его кабинет. Это было внушительное помещение, вполне приятное, если бы тетя не «украсила» его занавесями горчичного цвета и ковром под стать им. Кабинет выглядел довольно аскетично: ничего яркого и радостного, смягчающего общий унылый колорит! Однако заново обитые кресла были удобными и мягкими – епископ любил физический комфорт. На большом столе высился аккуратный ряд папок с бумагами. Наверное, подумала Пандора, здесь есть папка, посвященная ей и с надписью: «Пандора Стрэттон, племянница. Объект благотворительности».

«Если бы только у меня были свои деньги, – вздохнула она, – я тоже уехала бы в Лондон, нашла бы себе занятие и стала независимой от всех!»

Однако эта идея была настолько смелой и несбыточной, как если бы Пандора вздумала слетать на Луну или опуститься на дно морское. Очень небольшие деньги, оставшиеся после смерти отца, теперь были в полном распоряжении дяди. Наверное, они будут возвращены ей в качестве приданого и пойдут на свадебные расходы.

«Свадебные!» Это слово резануло сердце, как нож.

«Но что же я могу? Что мне предпринять?»

– О папа, что мне делать? – вслух проговорила Пандора.

Она не сомневалась, что родители ни за что бы не стали выдавать дочь замуж за человека ей неприятного. Они ведь сами поженились по любви, вопреки воле всего семейного клана, который ужасался при одной только мысли, что кто-то из представителей столь богатого и знатного семейства может сочетаться брачными узами с бедным и совершенно неприемчательным человеком вроде деревенского пастора. Правда, стоило им познакомиться с Чарльзом Стрэттоном, как некоторые меняли к нему свое отношение. Однажды леди Эвелина, мать Пандоры, рассказала дочери:

«Твой отец был так красив и обаятелен, у него был такой хороший, мягкий характер, что, наверное, мои тетушки, кузины и даже строгая бабушка, одним словом, все, кто сначала наш брак не одобрял, сами едва не влюбились в него». Конечно, это не значило, что родственники мамы – и Пандоре это было хорошо известно – тоже пожертвовали бы своим важным общественным положением, как сделала ее мать, и променяли его на скромное жительство в захолустном церковном приходе. Вряд ли, располагая очень скромными средствами, они чувствовали бы себя при этом баловнями судьбы!

– А ты никогда не жалела, что вышла замуж за папу? – спросила Пандора у матери, но та лишь рассмеялась в ответ:

– Неужели можно жалеть о том, что стала счастливейшей женщиной на свете? Я обожаю твоего отца, он обожает меня, и, что самое главное, у нас с ним есть обожаемая дочка! Да разве может женщина мечтать о большем?

По-видимому, маму вообще не волновало и не огорчало то, что она лишилась многого, чем располагала прежде. Конечно, ей пришлось забыть о лондонских светских приемах или о том, чтобы время от времени получать приглашения в Карлтон-Хауз от самого принца-регент, но ей это и не было нужно. Она была счастлива, что смогла устроить удобный и привлекательный дом для своего мужа, что их с супругом чувства глубоки и взаимны. Пандоре даже иногда казалось, что и трагическая смерть родителей была предопределена и явилась закономерным завершением всей их жизни: родители сами, очевидно, выбрали бы такой конец – умереть одновременно и вместе, так как были не способны существовать врозь.

Вот такого союза сердец она желала и для себя. Совершенно невозможно было и думать о замужестве с кем-то вроде Проспера Уизериджа. Ей претила мысль о физической близости с ним. К тому же он был таким напыщенным, самовлюбленным, таким святошей и ханжой, всегда всех осуждал, замечая в других лишь пороки и недостатки, точь-в-точь как тетя София.

Пандора помнила, как, напротив, был терпим и снисходителен к слабостям и недостаткам окружающих ее отец. «Да ведь они из всех сил стараются быть лучше, – рассуждал он, – и надо дать им для этого шанс. Люди могут отдать только то, что имеют, а мы часто требуем от них невозможного».

Проспер Уизеридж был не способен так рассуждать и поступать, и Пандора не сомневалась, что он скверно относится к своим ближним и, конечно, уже выразил недовольство по поводу предстоящего праздника в Чартхолле.

Между прочим, никто в епископском дворце понятия не имел, как сильно задевают Пандору презрительные отзывы о новом кузене-графе, которого она никогда не видела. Да, может быть, он действительно таков, каким его считают родственники, но все равно им следует отзываться о нем с большим тактом и уважением.

Она никогда не встречалась с ним: их общий дедушка, четвертый граф Чартвудский, умер через два месяца после смерти родителей Пандоры. Дедушка-граф был стар и болен. Он яростно ненавидел своего внезапно возникшего наследника и ни разу не пригласил его в Чартхолл. И это, конечно, можно понять и простить: два сына дедушки, родные братья ее матери, наследники и титула, и поместья, погибли на войне. Младший, моряк, пал смертью храбрых в битве на Ниле, сражаясь под знаменами адмирала Нельсона в его победоносной битве с французским флотом. А старший кузен, которого Пандора помнила и очень любила, погиб при Ватерлоо. Удивительно ли, что его несчастный отец, а ее дед, был так удручен, и не только гибелью сыновей, но и тем, что теперь, после его собственной смерти, графский титул и поместье перейдут по наследству какому-то неизвестному родственнику, сыну актерки? А ведь совсем недавно перспектива наследования казалась старику такой прочной и незыблемой, как вдруг, внезапно, прямых наследников сметает с лица земли Судьба, а их сестра, его дочь, трагически погибает вместе с мужем. Тогда, кстати, один из деревенских жителей и сказал Пандоре: «Когда ваша матушка тоже ушла из жизни, Его Лордство словно уперся лицом в стену и сам окаменел!»

Пандора деда понимала: после смерти родителей она испытала такое же леденящее чувство крушения мира.

Пятый граф Чартвудский слыл совсем другим человеком, чем его погибшие в войнах родственники. К тому же до нее стали доходить слухи о его более чем экстравагантном поведении – попойках, огромных карточных ставках, безумных пари и оскорбительном для «всех порядочных людей» поведении, настолько оскорбительном, что в присутствии Пандоры мужчины упоминали обо всем происходящем только шепотом. Став наследником и владельцем титула и поместья, новый граф поселился в Чартхолле, и Пандора иногда надеялась, хотя и с некоторым опасением, что кузен-граф пригласит в гости и ее, еще незнакомую родственницу. Было достаточно тех, кто мог бы рассказать ему, где теперь, после смерти

родителей, обитает кухня Пандора. Но все, казалось, были заняты только распространением слухов об оргиях, которые происходят в Чартхолле, словно это были самые интересные рождественские сказки. Жители кафедрального Линдчестера болтали обо всем как заведенные, хотя граф вскоре вдруг покинул усадьбу. Но ненадолго. Через два месяца он снова прибыл в Чартхолл, хотя окрестные привилегированные семейства, которые раньше стремились познакомиться с графом, теперь сторонились его. Когда Пандора расспрашивала о нем у деревенских жителей, они отзывались о происходящем в Чартхолле и о самом графе с неохотой и даже страхом, а тетя отвергала всякую возможность познакомиться с ним в весьма недвусмысленных выражениях. Дядя-епископ, вернувшись домой после встречи с новым родственником, был тоже сердит и неприязненно настроен.

– Давно меня так не оскорбляли! – заявил он, однако подробностей не сообщил, и у Пандоры возникло впечатление, что граф осмелел все, что дядя уважал и почитал.

Однако, сколь бы шокирующими ни были рассказы про графа, он все равно оставался ее троюродным кузеном по материнской линии.

В течение нескольких веков Чартовский семейный клан играл заметную роль в истории Англии. Были среди них, во времена короля Карла I, и роялисты, и сторонники герцога Мальборо, сражавшиеся при Бленхейме¹ и одержавшие победы над французами и немцами, и те, что сыграли важную роль в Индии и в других частях мира. Пандоре казалось, что у нее кровь закипает в жилах при мысли о том, какие ядовитые стрелы мечут в графа «мелкие, ничтожные людишки в Линдчестере» и получают удовольствие от попыток его обесславить.

«Интересно, что он за человек на самом деле?» – подумала Пандора, и ей вдруг явственно послышался голос тети, которая недавно, в этой же самой комнате, утверждала: «Граф развлекается с проститутками и актрисами, ни один порядочный мужчина не должен водить с ними компанию – и с графом, и, конечно, с теми падшими созданиями».

«Ни один порядочный мужчина!..» Эти слова будто пылали в ее мозгу, когда внезапно она поняла, что из создавшегося положения, угрожающего ей ненавистным замужеством, все же есть выход.

Она подошла к окну, немного постояла, глядя ничего не видящими глазами на ухоженный парк с аккуратными клумбами и заботливо подстриженными тисами. И вдруг, словно воочию, увидела зеленые лужайки Чарта, сад лекарственных трав, окруженный старинной, еще елизаветинских времен, стеной, ощутила аромат цветущего розария возле солнечных часов и почувствовала почти физическую боль в сердце – так она соскучилась по родным местам. И опять Пандора подумала о том, что занимало ее мысли уже некоторое время. Мысль эта была такой ясной, настоящей, непреложной, что казалась самым естественным ответом на главный вопрос.

Пандора села за дядин стол, на что прежде не осмеливалась, взяла плотный лист велевовой бумаги, которой всегда пользовался епископ, и перо.

Спустя пару минут она запечатала письмо воском и поднялась на второй этаж в маленькую комнату, отведенную ей в этом доме, и позвонила в колокольчик. Вызвав горничную, она, к собственному удивлению, твердым тоном отдала приказание.

* * *

Через час Пандора уже выезжала со двора в легкой коляске, которой они с тетей пользовались, отправляясь с визитами к линдчестерским знакомым. Старый кучер удивился, услышав, куда она желает ехать, но он слишком давно состоял на службе у епископа, чтобы сомне-

¹ Битва при Бленхейме (1704), в которой герцог Мальборо одержал победу над французами и немцами, была воспета в поэме Аддисона «Кампания» (1705). – *Прим. перев.*

ваться в правомерности любых указаний господ. Пандора устроилась на заднем сиденье, к которому прикрепила свой небольшой сундучок, и вскоре они уже переправились на другой берег реки по мосту, который построили еще норманны, а затем очутились в сельской местности. За полями теснились густые леса – надежный зимний приют для охотников. После переезда к дяде Пандора не охотилась – таково было пожелание епископа. В ее распоряжении оставили только одну из отцовских лошадей, остальных продали, но Пандора понимала, что эта единственная лошадь – большая уступка, и тетя, когда была особенно не в духе, угрожала, что отнимет у Пандоры и эту радость – верховые прогулки. И вдруг Пандора невольно улыбнулась: ее позабавило, что в Чарт она отправилась не верхом, а в коляске, то есть неукоснительно последовав буквальным указаниям дяди. И еще она подумала, что если поездка окажется неудачной и придется вернуться, ничего не достигнув, то об этом, кроме слуг, никто не узнает: ей слуги симпатизировали, а хозяйку недолгоблюдали и вряд ли кто-нибудь из них станет доносить.

Коляска уже отъехала от городка мили на три с небольшим, и теперь вокруг расстился знакомый с детства сельский пейзаж. Залюбовавшись лесом, Пандора вспомнила, как ей нравилось гулять здесь по тропинкам, а когда она подросла – совершать верховые прогулки. По лугам протекали полноводные речушки, прихотливо извиваясь между берегами, и однажды они поймали здесь большую жирную рыбу, а потом у них был очень вкусный завтрак. Каждый дюйм дороги пробуждал воспоминания. Наконец Пандора въехала в деревню с черно-белыми домиками под камышовыми крышами. В садах пестрели цветы, и ей вспомнилось, как мать каждый год присуждала награду лучшему садовнику, в результате чего все местные жители старались перещеголять друг друга, и очень скоро деревня стала самой живописной во всем графстве.

Пандора была знакома со всеми обитателями деревни, но в это время дня мужчины работали в поле, а большинство женщин трудились в Замке. Когда была жива бабушка, они работали и на кухне, и в прачечной, и на маслодельне. Интересно, существуют ли по-прежнему большие, широкие крынки для густой сметаны, в которых она превращалась в большие комки золотистого масла? Потом его ровные, одинаковые плитки, на которые ставился герб Чарта, продавали. Пандоре нравилось наблюдать, как работают женщины-молочницы, и она даже спросила однажды, нельзя ли и ей помочь сбивать масло, но вскоре узнала на собственном опыте, что это очень тяжелая работа.

Наконец показался Замок. В любое время года он выглядел величественно, а летом еще и особенно привлекательно, когда его, словно драгоценный камень, окружала зеленая лиственная «оправа». На сером фоне камня листва казалась особенно живой и свежей, а каминные трубы, декоративные вазоны на крыше и узорчатые водостоки ласкали взгляд, безмолвно свидетельствуя о величии и славе тех, кто владел Замком. Каждое поколение старалось приумножить его удобства и подчеркнуть красоту, обогатив внешний вид здания, построенного еще при королеве Елизавете, каким-нибудь архитектурным новшеством. Второй граф Чартвуд даже пригласил Иниго Джонса², чтобы тот усовершенствовал Чартхолл. Архитектор пристроил к основному зданию два крыла и очень существенно обновил фасад, придав всему зданию величественный вид и в то же время превратив его в одно из самых красивых сооружений.

– Ах, как я люблю тебя, Чарт! – воскликнула при виде усадьбы Пандора. Он был частью ее жизни! Как озеро, по которому они с отцом плавали, пробираясь на лодке между зарослями прекрасных белых лилий; как лужайки среди невысоких холмов, по которым она с

² Д ж о н с, И н и г о (1573–1652) – архитектор, театральный дизайнер, живописец, литератор, знаток древнеримского и итальянского искусства, оказавший огромное влияние на развитие этих видов мастерства в Англии. Особенно знаменит выстроенный по его плану Уайтхолл (1610–1622). – *Прим. перев.*

восторженным визгом скатывалась вниз! А позади дома рос кустарник, где так замечательно было играть в прятки, и стояли теплицы, в которых старый садовник одарял ее грушами, такими большими, что она еле-еле могла удержать их в ручонках! «О, если бы дядя Джордж не погиб при Ватерлоо», – печально подумала она. Он был так похож на свою сестру, мать Пандоры! И он ни за что бы не позволил ей жить у родственников отца, которые ее не любили.

Коляска подъехала к длинной лестнице, ведущей к парадному входу, и Пандора спустилась на землю. Это как возвращение домой – подумала она и вошла в огромный прохладный холл, где в стенных нишах стояли изваяния греческих богинь, а поражающий яркостью красок потолок был расписан итальянским живописцем.

Незнакомый Пандоре дворецкий несколько надменного вида неподвижно ожидал, пока она заговорит.

– Я желаю видеть графа Чартвуда, – пролепетала Пандора. Ей стало как-то не по себе: слуги в доме оказались незнакомыми, а она ожидала снова увидеть старика Бэрроуза и лакеев, некогда деревенских мальчишек, певших в церковном хоре.

Дворецкий не спросил, как о ней доложить, но окинул ее, показалось Пандоре, почти презрительным взглядом. Затем, пройдя по коридору, он открыл дверь Утренней комнаты. Дедушка предпочитал ее всем остальным, потому что из окна открывался вид на сады и еще потому, что здесь было теплее, чем в огромных парадных покоях.

Пандора ожидала, что дворецкий распахнет перед ней дверь, но он вошел один, оставив ее снаружи:

– К вам тут леди пришла, м'лорд!

– Еще одна? – отвечал голос изнутри. – Боже правый! Кто еще явился, Дэлтон?

– Понятия не имею, м'лорд!

– Ну, значит, еще одна пчелка на запах меда прилетела. Они сразу могут его учуять, Дэлтон, даже на большом расстоянии.

– Это вы точно сказали, м'лорд.

– Ну, что ж, пригласи ее войти, но бог свидетель, я лично ее к себе не приглашал.

Дворецкий повернулся к Пандоре, удивленной и немного шокированной таким приемом. Она даже пожалела, что приехала, но отступать было поздно. Оставалось только подчиниться почти повелительному жесту дворецкого, указавшему на дверь гостиной: мол, можно войти.

Инстинктивно выпрямившись и немного приподняв подбородок, Пандора вошла. Быстрый взгляд подсказал ей, что в комнате после смерти дедушки ничего не изменилось. В три длинных, почти до полу, окна вливался солнечный свет, такой яркий, что на мгновение она почти ослепла и с трудом смогла различить фигуру присутствовавшего мужчины. Наконец Пандора его разглядела: мужчина удобно устроился в дедушкином кресле с высокой спинкой, небрежно перекинув одну ногу через ручку кресла, а другую вытянув вперед. В руке у него был стакан, но лицо Пандора разглядела не сразу, а когда всмотрелась, то убедилась, что перед ней несомненный представитель Чартвудского клана и что глаза у него того же фиалкового цвета, что у нее самой, только, пожалуй, еще темнее, а взгляд – пристальный и довольно жесткий. Брови у мужчины – почти черные и сейчас тесно сдвинутые к переносице: он недовольно хмурился.

Существовали Чартвуды двух разновидностей – блондины и темноволосые. Брюнеты были людьми опасными и склонными к приключениям.

– Не пойму я тебя, волосы у тебя светлые, а ведешь себя как-то неправильно, – говорила няня, когда Пандора шалила или не слушалась. – Если ты светлая, то и вести должна себя примерно, не забывай!

У новоявленного кузена-графа волосы были очень темные, а вся шевелюра напоминала байроновскую. Это впечатление подчеркивал и небрежно повязанный галстук, обнажавший шею. Граф недавно вернулся с верховой прогулки – Пандора обратила внимание на то, что он все еще был в бриджах, а сапоги забрызганы дорожной грязью.

Так, широко открыв глаза, Пандора и стояла, разглядывая графа, пока он весьма насмешливо не спросил:

– И что же? Кто вы есть и что вам угодно?

Несколько запоздало, так как все увиденное ее в высшей степени заинтриговало, она присела в реверансе:

– Я ваша кузина Пандора Стрэттон и приехала, чтобы просить вас о помощи.

Теперь и он посмотрел на нее с удивлением, но не встал.

– Пандора Стрэттон, – повторил граф, – и, по вашим словам, вы приходите мне кузиной?

– Не очень близкой, но старый граф приходился мне дедушкой.

При этих словах кузен откинул голову назад и рассмеялся:

– Он ваш дедушка? Слава богу, что вы на него не похожи, однако я действительно удивлен, что вижу вас перед собой, кузина Пандора. Раньше я полагал, что все мои родственники предали меня остракизму!

– Разве? Мне об этом ничего не известно.

– Тогда, наверное, вы очень нелюдимы! – с усмешкой парировал граф, но потом добавил: – Нет, конечно, я кое-что знаю о Стрэттонах. Вы ведь имеете какое-то отношение к тому самому ханже и любителю псалмов, к епископу, который в прошлое мое здесь пребывание нагрянул ко мне?

– Да, это мой дядя!

– В таком случае мне только остается вас пожалеть!

– Да, я тоже себя жалею.

И впервые за все время разговора он улыбнулся, отчего его лицо сразу преобразилось.

– Полагаю, вы желаете мне об этом рассказать? Но если вы хотите заодно получить некоторую сумму на бедных, больных, увечных или безработных, то лучше поберегите горло.

– Но я обращаюсь за помощью не для них, хотя все перечисленные вами нуждающиеся высоко бы оценили вашу доброту. Нет, я прошу вас помочь... мне.

И Пандора опустилась в кресло напротив графа, а он удивленно воззрился на нее, пристально разглядывая, как показалось Пандоре, ее скромное, без всяких украшений, платье и капор, подвязанный одной-единственной лентой.

– А знаете, вы чем-то похожи на всех этих высокомерных предков, портреты которых украшают все стены в моем доме.

– Надеюсь, вам известно, что есть Чарты-блондины и Чарты-брюнеты? Вы – представитель вторых, я отношусь к первым.

– А какая разница, кроме цвета волос?

– Одни – хорошие, другие – плохие!

– Что ж, во всяком случае, – рассмеялся граф, – это упрощает взаимные отношения, и я приложу все усилия, чтобы соответствовать житейским принципам, которые мне приписываются в соответствии с цветом волос. Ну а теперь о вас: вы сказали, что нуждаетесь в моей помощи? Тогда объясните, что именно заставило Святую вроде вас обратиться за помощью ко мне, Грешнику?

Это было забавно, и Пандора слегка улыбнулась, а потом сказала, и очень серьезно:

– Кузен Норвин, я приехала к вам потому, что вы единственный, как мне представляется, можете меня спасти!

– Надеюсь, вы имеете в виду не свою душу, – вставил граф.

– Я имею в виду свою жизнь, или, точнее, все мое дальнейшее существование. Понимаете, мой дядя, епископ, намерен выдать меня замуж за своего капеллана.

– Но какую же помощь в данном случае могу вам оказать я? – резко осведомился граф. Пандора смутилась и едва слышно, потупясь, пояснила:

– Я подумала, может, вы пригласите меня провести в вашем доме ночь или две?

Наступило молчание, а потом граф спросил:

– Я правильно вас понял? Вы хотите, чтобы я пригласил вас погостить в моем доме потому, что это каким-то непонятным мне пока образом поможет вам избежать предстоящего брака? – И, помолчав, граф прибавил: – Я, наверное, очень туп, но никак не могу уразуметь, в чем истинный смысл вашей просьбы!

– Надеюсь, моя просьба вас не рассердила, – ответила Пандора едва слышно.

– А какая вам разница, даже если это и так?

– Но если вы рассердитесь, то не захотите мне посочувствовать и помочь!

– И это как раз те добродетели, которые, к сожалению, отсутствуют в списке моих достоинств, но все же попрошу вас пояснить точнее, в чем смысл вашей просьбы?

– Мои дядя и тетя уехали в Лондон на праздник «Лучший сад», который состоится в Ламбетском дворце.

– Сочувствую им, – криво усмехнулся граф, – по-моему, достаточно и одного пастора, но когда их целый конклав, то этого и святая, наверное, не выдержит!

Слегка усмехнувшись, Пандора продолжила:

– Но перед их отъездом я случайно услышала, как мой дядя сказал, что его капеллан желает ко мне посвататься, и тетя стала настаивать, чтобы он дал согласие на этот брак. Мне придется выйти замуж за мистера Уизериджа.

– А у вас такого желания нет?

– Он мне очень не нравится, он просто отвратителен! Я на все готова, лишь бы не стать его женой!

– И поэтому вы решились просить помощи даже у меня? – насмешливо поинтересовался граф.

– Я была готова поехать куда угодно, чтобы встретиться с вами, тем более что вы живете в Чарте, который мне знаком с детства. Я люблю Замок, люблю деревню, ведь я здесь выросла! – И голос ее дрогнул от наплыва чувств, что не ускользнуло от внимания графа.

– Продолжайте, я вас слушаю, хотя все еще не понимаю, какую роль в этом действе предназначено сыграть мне.

Пандора опять смутилась, покраснела, но все же нашлась с ответом:

– Моя тетя сказала, что женщины, которые здесь бывают, считаются потом падшими, то есть «проститутками». Не совсем понимаю, что значит это слово. И актрисы тоже сюда приезжают, и еще она сказала, что ни один порядочный мужчина не должен поддерживать знакомство с такими женщинами. – Не смея при этом взглянуть на графа, Пандора все-таки договорила: – И я подумала, что если останусь здесь, то мистер Уизеридж тоже не захочет продолжать со мной знакомство.

Наступило недолгое молчание, а потом граф так расхохотался, что даже закашлялся, и затем в первый раз после появления Пандоры выпрямился и сел как полагается:

– Пытаюсь уяснить логику ваших рассуждений, но, видит бог, просто не в силах: вы, случайно, не шутите? Ничего забавнее я никогда не слышал: вы приехали ко мне, именно ко мне, а не к кому-либо еще, чтобы я вас спас от похотливых поползновений этого пастора?

Он встал, подошел к столику, на котором стоял поднос с бутылками, и наполнил стакан.

– Боюсь, что кажусь вам очень негостеприимным, так как до сих пор не предложил подкрепиться. Желаете чего-нибудь?

– Нет, благодарю!

Пандора вдруг побледнела, и лицо ее выразило тревогу.

– Неужели вы действительно способны на такой сокрушительный для вашей репутации шаг? – И граф встал перед камином с полным стаканом в руке.

– Но ведь другого выхода у меня нет, – убежденно возразила она. – Поймите же, я оказалась в ловушке. Дядя Огастес – мой опекун. Когда папа и мама погибли, больше никто из родственников не пожелал меня приютить.

– Ну а если вы честно заявите, что не желаете выходить замуж за человека, внушающего вам сильнейшее отвращение? – спросил граф серьезно и на этот раз без тени сарказма.

– Они меня заставят, – тихо ответила Пандора, – и я не смогу найти никакой законной защиты. Моя тетя меня не любит и очень хочет отделаться от меня. Она уже стара, но, хотя это, наверное, звучит самонадеянно с моей стороны, она меня немного ревнует.

– Что неудивительно! – И граф отпил глоток. – Но ведь должен же найтись какой-то другой выход из создавшегося положения? Вы, наверное, понимаете, что станут о вас говорить, если вы поселитесь у меня в доме?

– Понимаю, но, пожалуйста, позвольте мне остаться. Всего на два дня! Уверена, что после этого мистер Уизеридж на мне жениться не захочет. Он очень заботится о своей репутации и утверждает, что ваш дом – вертеп разврата и греха.

– Черт его побери! Какая наглость! И, между прочим, может быть, человек вроде него судит о грехе, основываясь на собственном опыте? Кто он есть в таком случае, чтобы осуждать меня?

– Но вы действительно приводите в ужас своей скандальной репутацией все здешнее общество.

– Именно этого я и добиваюсь!

Граф зло сощурился, и у его рта залегли две жесткие складки.

– Я хотел шокировать всех родственников, и вас в том числе!

Теперь он был почти груб, а в глазах его загорелся недобрый огонек.

– Впрочем, вы, конечно, можете остаться, если того желаете! Да-да, оставайтесь, малышка Пандора! Располагайтесь со всеми удобствами в этом вместилище греха и порока. Придите – так сказать – в мои объятия!

– Вы это серьезно говорите?

– Да разве я неясно выразился? Я готов оказать вам гостеприимство! И вы можете им пользоваться сколько душа пожелает! Мой дом к вашим услугам!

– О благодарю вас, кузен Норвин! Благодарю! – вскричала Пандора. – Но тогда, может быть, ваш слуга передаст кучеру эту записку и скажет, чтобы он возвращался в Линдчестер без меня?

– А что в записке?

– Она адресована мистеру Уизериджу. Я сообщаю, где нахожусь.

– А вы все как следует продумали!

– Я старалась. Сегодня вечером мистер Уизеридж возвращается из поездки к своему отцу, и когда узнает, где я нахожусь, он придет в ужас и станет меня презирать!

– Да уж наверное, – граф самодовольно усмехнулся.

– Я привезла все свои вещи в надежде, что вы позволите мне остаться!

Граф потянул шнурок от звонка, и дверь почти сразу отворилась.

– Отнесите кучеру эту записку и скажите, что он может отправляться обратно. Мисс Стрэттон остается здесь, так что принесите ее вещи.

– Да, м'лорд!

Лицо дворецкого выразило некоторое удивление, что не ускользнуло от внимания Пандоры.

– А я думала, что снова встречу здесь Бэрроуза. Вы существенно изменили штат прислуги!

– Понятия об этом не имею. Всем занимается агент, в обязанности которого входят подобные дела.

«Вот почему у окрестных жителей такие огорченные лица и смотрят они так, словно чего-то опасаются», – подумала Пандора и еще хотела о чем-то спросить, но дверь открылась, и в комнату вошла женщина, красивее которой ей еще никогда не приходилось видеть: волосы огненно-рыжие, а кожа белоснежная! Пандора не сразу поняла, что подобный цвет – дань косметическим ухищрениям. Губы у женщины были алыми, шею украшало неимоверное количество драгоценностей, а низкий вырез платья позволял видеть большую часть пышной груди.

Женщина горделиво вплыла в комнату и вопросительно посмотрела сначала на Пандору, а потом – на графа, и взгляд выразил неприязнь и даже враждебность.

– До меня дошло, что приехала некая дама, и я удивилась, кто бы это мог быть, ведь наши гости явятся гораздо позже!

– У тебя нет никаких причин возмущаться, – отвечал граф, – это моя кузина, Пандора Стрэттон, с которой прежде мы никогда не встречались.

– И ты полагаешь, что я тебе поверю?

Вошедшая окинула Пандору недоверчивым взглядом.

– Я живу в Линдчестере и приехала к моему кузену просить о помощи, – подала голос Пандора, чувствуя, что надо разрядить возникшее напряжение.

– Но у графа нет денег на благотворительность, – грубо оборвала ее женщина, – и я изо всех сил стараюсь, чтобы их не было вообще!

– Заглохни, Китти, и веди себя прилично! Моя кузина имеет все права рассчитывать на необходимую ей помощь, и, кстати, речь в данном случае идет не о деньгах.

– Но тогда что же ей требуется?

– Только приглашение погостить здесь день-другой, потому что это несколько остудит пыл одного пастора, желающего на ней жениться.

Рыжеволосая женщина, с подозрением посмотрев на графа, вдруг рассмеялась:

– Боже милосердный! До чего же мы дожили! Но в этой драме для тебя, Норвин, роли нет, и ты это должен очень хорошо понять!

– Совсем напротив! Я готов сыграть роль режиссера и даже – главного злодея, но, полагаю, сначала надо тебя представить, – и он взмахнул рукой, – Пандора, это Китти Кинг, но так как, по-моему, вы не имеете никакого понятия о лондонских театрах, то позвольте доложить: Китти занимает видное положение в театре Друри-Лэйн, а также является последовательницей знаменитой мадам Вестрис и постигает ее уроки с большим рвением!

Объяснение ничего не говорило Пандоре, но Китти его выслушала с явным удовольствием.

– «Рвение»! Это самое подходящее слово! – заявила она. – Видели бы вы меня, когда я быстро шагаю по сцене в брюках и сапогах! Публика просто с ума сходит, правда, Норвин?

– Да уж, при виде тебя она испытывает истинное наслаждение, – подтвердил граф, – а посмотреть им есть на что! Впрочем, тебе надо похудеть для твоей следующей роли!

– Но здесь у тебя столько выпивки и закуски, что похудеть невозможно, тем более что я прямо сейчас хочу опрокинуть бокальчик!

– Ах, извини меня, я недостаточно внимателен к твоим нуждам, но кузина задала мне такую задачу, что есть над чем подумать!

– Ну и держи эту задачу у себя в голове, а руки пусть действуют! – назидательно заметила Китти, и граф снова дернул за шнурок.

– Шампанского! – приказал он, когда дверь отворилась.

– А я как раз и шел о нем доложить, м’лорд!

Из-за спины Пандоры выдвинулись два лакея: они принесли большое серебряное ведерко с двумя бутылками.

– Не знаю, что здесь происходит, – Китти села на диван, откинувшись на спинку, вытянула ноги, скрестив их так, что стали видны щиколотки, – но сама я еще никогда не бросала друга в беде.

– Тогда ты можешь понять, о чем сейчас просит моя кузина.

Китти уже благосклоннее посмотрела на Пандору:

– Ну а почему вам не подходит этот пастор? У меня такое впечатление, что вы с ним парочка!

– Но это совершенно не так! И если говорить откровенно, то я скорее умру, чем выйду за него!

– Не верю! – рассмеялась Китти. – Не бывает на свете мужчин, из-за которых надо помирать. Нет, вы попробуйте-ка жить с ними! Вот это гораздо труднее! – Она снова засмеялась и, взяв бокал шампанского, который лакей подал ей на серебряном подносе, приветственным жестом подняла его в честь графа:

– За жизнь, пусть короткую, но веселую! Это мой девиз!

Лакей предложил бокал и Пандоре. С минуту она колебалась, но граф посоветовал:

– Выпейте! Уверен, что вам сейчас вино не повредит. Вы потратили много душевных сил и мужества, чтобы приехать сюда.

– И я вам очень благодарна, – тихо ответила Пандора.

– А вот благодарить не надо, – парировал граф, – тем более что у меня есть предчувствие: вы, скорее всего, пожалеете о своем опрометчивом поступке. Впрочем, какое мне дело до ваших поступков? Мне все это совершенно безразлично, – он сказал это так зло, что Пандора удивленно посмотрела на графа, а потом подумала: нет, как бы граф или кто-либо из присутствующих ни повел себя, пусть и невежливо, она не имеет права никого осуждать. Она ведь обратилась к графу за помощью, попав в отчаянное положение и надеясь, что он бросит ей спасательный круг. И он бросил его! За это она вечно будет ему благодарна!

Глава 2

Граф и Китти еще наслаждались вкусом шампанского, когда прибыли гости: трое молодых людей – Фредди, Клайв и Ричард. Так как к ним обращались по имени, то Пандора не сразу поняла, что все трое – титулованные аристократы. Они приехали из Лондона в собственных фаэтонах и в сопровождении трех женщин, не менее, чем Китти, роскошно одетых и ослепительно красивых. Их фамилий никто не назвал, отзывались дамы на такие ласковые обращения, как «уточка» и «детка». Молодые люди сразу пожаловались, что от дорожной пыли у них «страшно пересохло в глотках» и что они «совершенно выбились из сил». Слуги поспешно внесли еще несколько бутылок шампанского, и вновь прибывшие стали пить за здоровье графа и Китти, сопровождая тосты прозрачными намеками такого свойства, что Пандору это несколько смутило. Все они, однако, так веселились, так искренно радовались приезду в Чартхолл, а одеты были столь элегантно, что на них было приятно посмотреть.

А затем открылась дверь, и появился еще один джентльмен, и на этот раз дворецкий громогласно объявил о его прибытии:

– Сэр Гилберт Лонгридж, м’лорд!

Красивый, одетый щеголеватее остальных, сэр Гилберт оказался старше присутствующих мужчин. Глядя, как он направляется прямо к графу, Пандора вдруг почувствовала, что в новом госте есть нечто отталкивающее. Откуда явилось такое ощущение, она и сама не поняла, однако отец всегда отмечал, что она очень чутка ко всему, касающемуся людей и лошадей, и редко ошибается насчет их достоинств или, напротив, недостатков.

– Ты один, Гилберт? – удивился граф.

– Да, Фанни получила у меня отставку, – высокомерно ответил сэр Гилберт, – больше никогда в жизни не стану тратить время и деньги на женщину, которая опаздывает на свидания: можешь считать ее своей, мне это совершенно безразлично!

– Зато герцог будет в восторге, – заметил Фредди, – хотя, говоря между нами, я бы дважды подумал, прежде чем сближаться с женщиной, которую ты отставил. Кстати, Гилберт, ты так на них тратишься, что рыночные цены лезут вверх.

– Но, дорогой мой юноша, деньги для того и существуют, чтобы их тратить на удовольствия, не так ли? – небрежно отозвался сэр Гилберт.

Он оглянулся, увидел Пандору и с минуту молча ее разглядывал, а потом вдруг спросил:

– А я правильно подсчитал, сколько нас здесь присутствует? В таком случае, дорогой Норвин, ты просто ясновидец, если заранее учел, что я появлюсь с пустыми руками!

– Это моя кузина, Пандора Стрэттон, – пояснил граф, – я не знал, что она присоединится к нашему обществу; кузина явилась неожиданно.

– Но что может быть лучше вот таких неожиданных появлений? – галантно спросил сэр Гилберт и, подойдя к Пандоре, взял ее за руку и объявил:

– Очевидно, нас сводит сама судьба, моя красавица, а с ней я еще никогда не осмеливался спорить!

Достаточно было одного лишь его прикосновения, чтобы Пандора ощутила, насколько ей неприятен этот человек, и она попыталась освободить руку, но тут послышался голос графа:

– Не хочу вас, господа, торопить, однако обед начинается в половине восьмого, а так как я привез сюда своего повара Альфонса, то не хотелось бы его сердить тем, что блюда остынут. Вы же знаете, как возбудимы эти французы!

– Очень рад, что у тебя здесь кухней заправляет Альфонс, – вставил Клайв. – И знаешь, милочка, – обратился он к своей спутнице, – для моего положительного самочувствия Аль-

фонс полезнее даже, чем ты! – Отвесив «комплимент», он запечатлел небрежный поцелуй на щеке стоящей рядом женщины с пышными черными локонами и сверкающими очами. Пандоре она показалась, пожалуй, самой привлекательной из приехавших женщин, хотя, конечно, белил и румян на лицах всех трех прелестниц было много, и это создавало несколько обманчивое представление об их внешности. Очевидно, они все очень нуждаются в блеске сценических огней – иначе как скрыть морщинки у глаз и отечность кожи, которые на первый взгляд незаметны?

Тем не менее в своих капорах, украшенных страусовыми перьями, шелковых плащах и туалетах, отделанных кружевами и лентами, они сейчас напоминали стайку весело щебечущих райских птичек.

– Нам надо переодеться к обеду, – сказала одна из них, Хетти. – Мы привезли свои лучшие туалеты, чтобы воздать честь и владельцу этого старинного обиталища, и всем его предкам! – несколько насмешливо воскликнула она.

– И вы, разумеется, оживите своим присутствием этот мавзолей, в чем, видит бог, он так нуждается! – согласился граф.

Тут Пандора удивленно на него посмотрела: она-то очень любила этот огромный дом, всегда восхищалась его благородными пропорциями и теми сокровищами искусства, которые он хранил, причем восхищалась от всего сердца! Ей показалось просто невероятным, что кто-то может уничижительно отзываться об усадьбе предков, и граф, словно поняв, что она сейчас чувствует, пристально посмотрел на Пандору и заметил:

– Если вам не нравится то, что здесь происходит, то вам самое время вернуться домой, пока здешняя ядовитая атмосфера вас не отравила.

Никто не слышал этих слов, кроме Пандоры, и, взглянув на графа, она подумала, что он понимает, как она и смущена, и отчасти шокирована всем происходящим, но, тем не менее, поспешно ответила:

– Нет, я не хочу уезжать! Вы очень добры, что предложили мне остаться. Я уверена, это произведет на мистера Уизериджа должное впечатление.

– Для вас это сейчас важнее всего?

Пандора кивнула и устремила за выходящими из комнаты женщинами, но уже в дверях обернулась и увидела, что граф весело разговаривает с кем-то из друзей, а вслед ей неотрывно глядит сэр Гилберт. Этот взгляд ее обеспокоил.

Когда они спускались по большой парадной лестнице, которой пользовались столько знаменитых прежних владельцев Чарта, Пандора поняла, что прежде здесь бывала только Китти.

– Господи помилуй, да в этом доме может квартировать целый полк! – удивленно воскликнула одна из актрис.

– А почему бы, Китти, тебе не пригласить сюда всю нашу труппу? – осведомилась другая.

– Недалеко отсюда расположен дом сэра Эдварда Трентама. Там у него гостит Габриэль и целая толпа наших общих знакомых. Они все приедут к обеду!

Тут послышались одобрительные возгласы: сэр Эдвард, поняла Пандора, пользуется особой благосклонностью дам.

– А вы слышали, что он на прошлой неделе подарил Габриэль? – спросил кто-то, когда все поднялись наверх.

– Наверное, еще одно бриллиантовое ожерелье?

– Нет! Он подарил ей дом в Челси и все оформил по закону!

– Видит бог, ей здорово повезло! – воскликнула Хетти. – Мне мой Ричард ничего подобного не дарит!

– А ты не позволяй ему играть в карты, – посоветовала Китти, – он слишком их любит, и меня всегда ужасно злит, когда мужчина проигрывает то, что мог бы потратить на меня!

– Согласна! – отозвалась Хетти.

Ее волосы были ослепительно золотистыми, а накрашенные ресницы торчали точно пики, охраняющие голубизну глаз.

На лестничной площадке их ожидала экономка, Пандоре незнакомая, и она удивилась отсутствию старой миссис Мэдоуфилд, которую знала, будучи еще ребенком. Новая была моложе и своей высокомерной, нагловатой манерой держаться напоминала нового дворецкого.

– Добрый вечер, дамы, – приветствовала она гостей, и последнее слово прозвучало у нее несколько иронично: – Позвольте мне показать вам ваши апартаменты!

Все остановились, а Китти предупредила:

– Положитесь на миссис Дженкинс! И не опоздайте к обеду! Его Лордство рассердится, если суфле осядет, потеряв присущую ему пышность, чего не желаю сегодня никому из вас!

И Китти направилась по коридору к покоем, которые всегда занимал дедушка Пандоры, а миссис Дженкинс повела остальных женщин к спальням, состоящим из двух смежных комнат. Все происходящее очень удивило Пандору: она вспомнила, что когда мать исполняла обязанности хозяйки Чартхолла, то всегда предоставляла одиноким мужчинам и женщинам помещения в разных крыльях дома.

Сама Пандора в последнюю очередь удостоилась внимания экономки, объявившей несколько фамильярным тоном:

– А вас, мисс Стрэттон, я устрою в Розовой комнате.

– Очень рада! – воскликнула Пандора. – Я всегда ее любила! Мне так нравится вид из ее окон на здешний сад!

– А вы действительно приходитесь кузиной Его Лордству? – полюбопытствовала миссис Дженкинс.

– Действительно! Моя мать до замужества звалась леди Эвелина Чарт, и старый граф приходился ей дедушкой.

– Ну, с тех пор здесь кое-что переменялось!

Пандора не нашлась, что ответить, и поспешно вошла в Розовую комнату, где знакомая ей горничная уже распаковывала сундучок.

– Добрый вечер, Мэри, – поздоровалась Пандора. – Как приятно увидеть тебя снова. А я и не знала, что ты работаешь в Холле.

– Она у нас новенькая, – вмешалась в разговор миссис Дженкинс, прежде чем Мэри успела что-либо ответить, – и надеюсь, мисс, если она будет плохо исполнять свои обязанности, вы мне об этом скажете, и я пришлю вам кого-нибудь взамен.

– Но я уверена, что Мэри обслужит меня превосходно!

– Ну, по-моему, эти деревенские девушки такие невежественные, – презрительно фыркнула миссис Дженкинс и ушла.

– Как же я рада видеть вас, мисс Пандора, – вырвалось у молчавшей до сих пор Мэри, – я честно говорю! Теперь здесь все по-другому устроено, не так, как прежде, когда старый лорд веселился, а я приходила помочь маме со столом.

– А тебя сейчас наняли на постоянную работу?

– Надеюсь, что да, мисс, но столько прежних слуг отсюда уволили и столько наняли новых, что мы, прежние-то, не знаем, и никто из деревенских тоже понятия не имеет, что будет потом.

– А чем теперь занимается твоя матушка?

– Она помогает на кухне и говорит, что главный повар такой сердитый, ну просто ужас!

– Я слышала, что он француз, так что скажи матушке, пусть не волнуется, – улыбнулась Пандора. – А вы, наверное, рады, что обе сейчас на жалованье?

– Да, мисс, мы очень рады!

Тут Пандора вспомнила, что у Мэри могут быть неприятности из-за того, что она ведет столь долгие разговоры с одной леди, когда ее услуги требуются и другим.

– Приходи потом, поможешь мне привести в порядок вечернее платье, а я пока обойдусь своими силами.

– А когда я узнала, мисс, что вы тоже приехали в гости, то у меня ноги подкосились от радости! Вот уж не думала, что мы опять увидимся здесь, в Чартхолле: мы ведь наслышаны, что здесь происходит, и вообще.

Наверное, будет очень невежливо по отношению к графу, если она станет поощрять готовность Мэри посудачить, хотя горничную просто распирало желание поболтать – подумала Пандора и приказала:

– Ты сейчас оставь меня, Мэри, и приходи примерно минут через пятнадцать.

– Очень хорошо, мисс! – и Мэри пододвинула сундучок к стене. – Я потом кончу разбирать вещи, когда вы будете обедать, – и, подойдя к двери, повторила: – Ну как же я рада, мисс, что вы тоже здесь, просто выразить не могу!

Мэри ушла, и Пандора, слегка нахмурившись, стала переодеваться. Мэри чего-то опасается, в голосе ее звучал страх. В Чартхолле явно происходит нечто неблагоприятное, и это настораживает. Пандоре не понравились и новые слуги, и не только потому, что прежний штат был так внезапно уволен. Интересно, что бы подумали о графе ее родители? Он, несомненно, очень странный человек. Его можно даже назвать эксцентричным, а все же нельзя сказать, что он ей не нравится, как сразу не понравился сэр Гилберт Лонгридж. «Но к чему все эти домыслы, каков он, и фантастические предположения о том, что здесь творится? – тут же упрекнула она себя. – Я приехала сюда, попав в отчаянное положение, в страхе за свою судьбу, и должна постараться наладить с новыми людьми приемлемые отношения, независимо от того, что эти люди собой представляют».

Лишь в одном она была уверена: Просперу Уизериджу очень не понравились бы Китти, Хетти, Лотти и Кэро, как звали актрис. Он ведь, помнится, говорил, что театр – это ловушка дьявола для невинных душ и рассадник греховных помыслов.

– Надеюсь, что после моего пребывания здесь, – вслух произнесла Пандора, – он больше не захочет на мне жениться! Я в этом уверена!

Однако что подумают о ней тетя и дядя, когда узнают, где она сейчас находится?

– Если граф позволит мне остаться, я пробуду здесь до утра пятницы, – проговорила Пандора, – потому что если я возвращусь в епископский дворец раньше, то Просперу Уизериджу опять захочется на мне жениться.

И каким же он будет при этом лицемером и ханжой, как станет важничать! Но тут, словно одна только мысль о Достопочтенном Уизеридже могла его воплотить, открылась дверь и опять показалась Мэри:

– Меня просили передать, мисс, что внизу вас ожидает джентльмен!

– Какой джентльмен? – удивилась Пандора.

– Лакей сказал, что это пастор, мисс!

Сердце Пандоры испуганно сжалось! Сомневаться, кто этот посетитель, не приходилось, но она не ожидала, что мистер Уизеридж появится так скоро: ведь уже семь вечера и, значит, он вернулся в Линдчестер раньше, чем предполагалось, и, прочитав ее записку, сумел сегодня же добраться до Чартхолла!

«Ах, надо было предупредить, чтобы записку доставили только завтра утром», – упрекнула она себя, но – дело сделано и упреки напрасны!

Мэри торопливо привела в порядок вечернее платье Пандоры, которая, предусмотрительно переделав его из парадного туалета матери, взяла с собой как самое нарядное, а кроме того, было нечто закономерное и справедливое в том, чтобы появиться в этом платье именно в Чартхолле! Она хорошо понимала, что ее туалет может показаться слишком простым и старомодным по сравнению с пышными и колоритными нарядами актрис. Тем не менее сама эта яркая пышность была криклива и вульгарна и не понравилась бы родителям Пандоры. А на себя она даже не взглянула в зеркало – так неприятно была поражена известием, что внизу, около лестницы, ее ожидает Проспер Уизеридж.

Пандора застегнула на длинной шейке бархотку того же синего цвета, что и ленты на платье.

– Я должна спуститься в холл. Там еще кто-нибудь есть, кроме мистера Уизериджа?

– Вряд ли, мисс! Горничные жалуются, что дамы никогда не готовы вовремя со своими туалетами, а еще опаздывают потому, что очень долго красятся!

Пандора в нерешительности помедлила:

– Как ты думаешь, Мэри, можно попросить кого-нибудь из лакеев доложить Его Лордству о том, кто ко мне приехал?

– Да, конечно, мисс, лакей сообщит это камердинеру Его Лордства!

– И пусть он обязательно скажет, что приехал тот самый джентльмен, которому я послала записку.

– Доложу, мисс!

Но Пандора все еще колебалась: а вдруг граф, узнав о появлении мистера Уизериджа, тоже захочет спуститься в холл вместе с ней? Нет, нельзя быть такой трусихой, она ничего не боится, а кроме того, не стоит человека, пусть он даже кузен, но с которым она только что познакомилась, вовлекать в свои личные дела!

Высоко подняв голову, с тревожно бьющимся сердцем, Пандора медленно спустилась по главной лестнице, а со всех стен, с портретов на нее смотрели предки, словно хотели вселить в нее мужество.

«Да, помогите мне! – мысленно воззвала к ним Пандора. – Хотя и непонятно, почему я должна бояться человека вроде Проспера Уизериджа?»

Тем не менее она его боялась, и руки у нее похолодели.

– Я проводил вашего посетителя, мисс, в Малый салон. – Тон, которым дворецкий это сказал, свидетельствовал, что он учуял некоторые драматические обстоятельства и это его забавляет, почему Пандора с ледяным достоинством отвечала:

– Благодарю вас! Полагаю, что перед обедом гости соберутся в Серебряном салоне?

– Совершенно точно, мисс, – ответил дворецкий, и ей показалось, что он посмотрел на нее с большим уважением: оказывается, мисс знакома с порядками, принятыми в этом доме!

Он распахнул перед нею дверь Малого салона, той самой комнаты, которую всегда любила ее мать и где она часто принимала посетителей, когда дедушка был нездоров и не мог сам встречать гостей.

Проспер Уизеридж стоял, повернувшись спиной к мраморному камину, и вид у него был чрезвычайно раздраженный и воинственный. Да, он был так разгневан, что между выпученными, чересчур близко поставленными глазами залегла глубокая складка, а губы сжались в одну тонкую линию.

Пандора услышала, как за ней затворилась дверь, и усилием воли заставила себя медленно и с достоинством подойти к мистеру Уизериджу. Он остался неподвижен, ожидая, когда она к нему приблизится, а затем спросил, едва контролируя ярость:

– Вы что, сошли с ума? Зачем вы сюда явились?

– Как вам известно, я приехала в гости к своему кузену.

– Тогда быстро укладывайте вещи! Я немедленно отвезу вас обратно, – отрывисто заявил мистер Уизеридж.

– Мой кузен просил меня остаться и погостить два дня, что я и собираюсь сделать!

– Вы, насколько я понимаю, совсем потеряли способность здраво мыслить! Вы же прекрасно знаете, что дядя и тетя никогда бы не одобрили вашего поступка! Да и собственное чувство приличия должно подсказать, что это не тот дом, в котором вам можно остановиться!

– Этот дом когда-то принадлежал моему деду!

– Однако теперь его хозяином стал распутный повеса, и я не позволю вам пребывать в его обществе ни одной секунды!

– Но у вас нет никакого права препятствовать мне!

– Как ваш будущий муж, – начал было Проспер Уизеридж.

– Я никогда в жизни за вас не выйду! Позвольте мне заявить об этом самым категорическим образом здесь и сейчас, – перебила его Пандора. – Я не вышла бы за вас, даже если бы оказались единственным мужчиной в целом мире!

С минуту Достопочтенный Проспер Уизеридж молчал как громом пораженный. Он был человеком очень самовлюбленным и тщеславным. Столько женщин льстили и лебезили перед ним, поэтому он даже вообразить не мог, что Пандора, услышав брачное предложение, не упадет в его объятия благодарно и радостно!

– Вы отдадите себе отчет в том, что говорите?

Он так удивился, что в другой обстановке это лишь позабавило бы Пандору, но отнюдь не сейчас, когда ее сердце так отчаянно, так болезненно стучало в груди.

– Я за вас никогда не выйду! – решительно заявила она снова.

– Но если вы останетесь в этом доме, то вряд ли кто-нибудь опять предложит вам узы брака!

– Да, я это хорошо понимаю и понимала уже тогда, когда сюда ехала!

– Однако вы еще слишком молоды и невинны, чтобы понимать суть своих слов и поступков! – произнес Проспер Уизеридж так, будто и сам не мог уразуметь, что они означают.

– Я приехала сюда сознательно и по своей воле. И что бы об этом ни думали дядя и тетя, я никогда не соглашусь выйти за вас замуж.

– Какая несусветная чушь! То, что вы сейчас говорите! – Проспер Уизеридж очень и очень разозлился. – Я вас отсюда забираю, а когда мы вернемся в епископский дворец, то собственноручно запру в вашей спальне, и вы останетесь там до возвращения вашего дяди из Лондона!

– А я вам не позволю ничего подобного! – гневно вскричала Пандора.

– У вас нет выбора, – с угрожающей нотой в голосе ответил Проспер Уизеридж и схватил Пандору за руку.

От неожиданности она растерялась. Она и представить не могла, что он может так поступить; более того, он уж тащил ее к двери, а так как Пандора сопротивлялась изо всех сил, его ногти больно впивались в ее нежную кожу.

– Да как вы смеете ко мне прикасаться! Отпустите сейчас же!

– Нет, вы пойдете со мной! И надеюсь, когда вернется ваш дядя, он сурово накажет вас, как вы того заслужили всем вашим постыдным поведением!

Говоря так, он тащил ее к выходу, несмотря на отчаянное сопротивление Пандоры. По сравнению с ним, высоким и сильным, она была такой маленькой, что вскоре поняла: сопротивление, очевидно, бесполезно.

– Отпустите меня! – опять отчаянно вскрикнула Пандора. Но когда он почти подтащил ее к двери, та внезапно распахнулась. На пороге стоял граф. На нем был вечерний парадный сюртук, и выглядел граф не просто хорошо, но изысканно одетым: тщательно завязанный

пышный белый галстук, прекрасно сидящий вечерний сюртук и только что вошедшие в моду брюки – очень узкие и обтягивающие ноги. Граф стоял неподвижно, загораживая выход, и Просперу Уизериджу тоже пришлось остановиться.

– Могу я узнать, что такое здесь происходит? – осведомился граф ледяным тоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.